

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук Нестеровой Елены Ростиславовны

на тему: «Монгольская империя Юань в Китае в XIII в.

Аспекты цивилизационного взаимодействия»

по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история»

Актуальность темы рецензируемого диссертационного исследования определяется изучаемым в нем объектом – межцивилизационным взаимодействием в Монгольской империи в XIII в. Анализ проблем межцивилизационного взаимодействия, в принципе, является одним из магистральных направлений развития современной исторической науки. Вместе с тем, исследовательские сюжеты, избранные Е.Р. Нестеровой в качестве темы ее диссертации, с учетом их слабой изученности в отечественной и зарубежной историографии, открывают широкие перспективы для творческих поисков новых теоретических подходов к анализу сообщений источников и для выработки более совершенной методологии оценки причинно-следственных связей между историческими явлениями, сопутствовавшими возникновению и развитию Монгольской империи.

Степень достоверности и обоснованности рассматриваемого диссертационного исследования высока благодаря использованию его автором большого количества китайских, арабских, персидских, европейских письменных источников, составленных в разных регионах современниками событий, изучаемых диссертанткой. Это позволило автору дать картину восприятия монголов участниками рассматриваемых ею событий. При этом авторы использованных Е.Р. Нестеровой источников придерживались разных подходов к монгольским завоеваниям и по-разному оценивали становление и укрепление империи, управляемой монголами. Сравнительный анализ сочинений, которые в таком ракурсе и таком объеме прежде в историографии

не сопоставлялись, позволил Е.Р. Нестеровой выявить в описаниях целого ряда явлений и процессов различия и черты сходства, которые прежде не были предметом исследования в отечественной и зарубежной исторической науке.

С изложенным связана научная новизна рецензируемой работы, состоящая в том, что ее автором проведен комплексный анализ протекавших в XIII в. процессов культурного взаимодействия монголов и Китая по многим разноплановым и существенным параметрам - от изменений, привнесенных в развитие изобразительного искусства, до перемен в региональной торговле. Последняя тема впервые в исторической науке рассматривается Е.Р. Нестеровой на материале сравнительного анализа источников разного времени, описывающих одни и те же сюжеты, что, в частности, позволило автору наблюдать эволюцию товарно-денежных отношений, изменения в структуре экспорта и импорта, динамику цен и спроса. Помимо этого, в диссертации предпринята попытка структурировать имеющиеся знания по проблеме наименования народа Чингис-хана и тем самым найти логичное объяснение использованию китайскими авторами названия «черные татары».

Теоретическая значимость рецензируемого исследования определяется важностью его результатов для понимания процессов культурного синтеза в отношениях между Китаем и монголами XIII–XIV вв., для изучения особенностей взаимодействия кочевого и древнего оседло-земледельческого общества, для расширения представлений о монголах как создателях величайшей империи средневековья через призму восприятия их другими народами. Разработка поднятых в работе проблем позволила Е.Р. Нестеровой глубже проанализировать различные аспекты цивилизационного взаимодействия между Монголией и Китаем в XIII в. и оценить последствия межкультурной конвергенции для обеих ее сторон.

Вынесенные диссертанткой на защиту положения ее научно-квалификационной работы (определение семантических основ этнонимов, под которыми монголы фигурировали в китайских источниках, сопоставление идей сакральности верховной власти в монгольских и китайских традициях, анализ

противоречий, свойственных описанию монголов в использованных автором источниках, наблюдения за особенностями монголо-китайского культурного симбиоза в первые десятилетия существования империи Юань) вполне обоснованы собственными оригинальными суждениями и умозаключениями автора, к которым она пришла на основе использованных ею исторических источников.

Вместе с тем к работе Е.Р. Нестеровой может быть высказан ряд замечаний, определяемых присущими данному исследованию методологическими недостатками и некоторой степенью внутренних противоречий, порой свойственных аргументации, приводимой автором в обоснование ее суждений и выводов.

Замечания, относящиеся к первой, методологической категории, состоят в следующем. Обращаясь к источниковой базе исследования Е.Р. Нестеровой, нельзя не отметить, что автор никак не оговаривает использованные ею правила выбора текстов для анализа. Из рецензируемой работы невозможно понять, по каким признакам те или иные источники попали или наоборот не попали в поле зрения автора. По признакам принципиальной значимости для сравнения монгольских и китайских культурных или политических традиций? Но в таком случае эти признаки надо было классифицировать и принципы отбора оговорить. В ином случае непонятно, почему в числе монгольских источников, весьма важных с точки зрения темы ее работы, Е.Р. Нестерова не заметила «Эрдэнийн товч» Саган Сэцэна, «Шара туджи» и безымянную «Алтан товч», при том, кстати, что тексты всех трех сочинений изданы в переводах на русский или английский языки¹. Кстати, перечисляя

¹ Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н.П. Шестиной. М.-Л., 1957; Балданжапов П.Б. Altan tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970; Erdeni-yin Tobči, Mongolian Chronicle by Savang Secen, with a critical introduction by R. A. Mostaert, pt. 1-4, Camb. (Mass.), 1956.

использованные ею монгольские источники, на с.45 Е.Р. Нестерова пишет: «Говоря о других монголоязычных источниках по истории неспокойного XIII века, нельзя не упомянуть «Алтан Тобчи» — «Золотое сказание». Хотелось бы посоветовать автору принять во внимание то обстоятельство, что в монголоведении, как и источниковедении вообще, при упоминании данного источника принято уточнять, какое именно из сочинений, известных под именем «Алтан товч», имеется в виду — принадлежащее авторству Лубсанданзана, или написанное неизвестным сочинителем (безымянное). Подобные правила объясняются тем, что оба эти одноименные сочинения являются двумя наиболее известными из большого ряда монгольских источников, имеющих одинаковое название.

Безусловным недостатком рецензируемой работы является то, что монгольские и китайские источники, принципиально важные с точки зрения изучаемой темы, использованы автором не в оригинале, а в переводе на русский или английский языки. Это обстоятельство лишило Е.Р. Нестерovu возможности самостоятельного погружения в ту политическую и культурную среду, изучение которой является главной целью ее диссертации, и в целом ряде случаев (речь о них пойдет ниже) помешало автору придти к обоснованным выводам о смысле изучаемых ею исторических явлений.

Впрочем, и в использовании переведенных на русский язык источников автор порой допускает методические погрешности. Сравнивая на с. 44 русский перевод «Сокровенного сказания», выполненный тремя исследователями (Б.И. Панкратовым, П. Кафаровым и С.А. Козиным), диссертантка делает вывод о том, что перевод первого автора «более точен». При этом за рамками рассмотрения совершенно оставлен вопрос о том, с какой точки зрения проведено сравнение. С точки зрения сравнения с оригиналом? Но такого сравнения в тексте диссертации нет. К тому же следует учесть, что все перечисленные авторы использовали совершенно разные версии текста «Сокровенного сказания».

К числу претензий, которые могут быть обращены к методологической основе рецензируемой работы, относятся пробелы в использовании ее автором целого ряда важных аспектов теории взаимодействия кочевых и оседлых обществ, активно разрабатываемой в современной исторической номадологии. Речь идет об исследованиях отечественных и зарубежных историков-кочевниковедов, в чьих работах проанализированы элементы теории взаимодействия оседлой и кочевой цивилизаций, принципиально важные с точки зрения темы рассматриваемой диссертации. В современных номадологических исследованиях рельефно отражены общие причины, определившие особенности процессов конвергенции оседлой и кочевой цивилизаций в древности и средневековье. К числу таких причин относятся внешняя открытость кочевых обществ, несамодостаточный характер их традиционного хозяйства и зависимость от контактов с оседлыми соседями². То обстоятельство, что Е.Р. Нестерова не проявила внимание к упомянутым теоретическим изысканиям, может свидетельствовать о неполноте и несовершенстве исследовательского инструментария, примененного в выполненной ею диссертации. Иной вывод вряд ли возможен, поскольку рецензенту приходится оценивать методологические основы рассматриваемой работы с точки зрения их соответствия современным достижениям исторической науки о взаимодействии оседлой и кочевой цивилизаций.

По изложенным причинам мы не можем согласиться с суждением Е.Р. Нестеровой о том, что ею «досконально изучены работы отечественных и зарубежных авторов, начиная с XVIII в.» (с. 6). Чрезмерная категоричность приведенного суждения очевидна еще и потому, что к работам зарубежных авторов, посвященным теме рассматриваемой диссертации, следует, в частности, отнести довольно многочисленные труды китайских и

²См., напр.: *Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд. доп. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008.*

монгольских авторов, которые были использованы Е.Р. Нестеровой лишь в той небольшой степени, в какой они были переведены на русский или западные языки.

Переходя от общих замечаний к частным, необходимо прежде всего остановить внимание на наблюдениях автора над типологией китайских этнонимов. В «Заключении» к работе, подводя итог своим наблюдениям, Е.Р. Нестерова пишет: «В исторических источниках племена эти фигурируют под разными названиями — «татары», «черные татары», «монголы». Такое богатство выбора было обусловлено целым рядом факторов, однако сейчас мы, по результатам наших изысканий, можем выделить основные причины этого многообразия. К ним относятся особенности китайского историописания, согласно которому ближайших соседей-кочевников называли татарами; привычка распределять окрестные народы по уровню вовлеченности в китайскую культуру, исходя из представления о Китае как о центре цивилизованной ойкумены; стремление монголов упрочить позиции через принятие названия успешного в прежние времена племени татар» (с. 296). Не оспаривая обоснованность приведенных суждений, мы хотели бы посоветовать автору принять во внимание и то обстоятельство что в китайской традиции никогда не существовало жестких правил атрибуции определенного этнонима столь же четко определенной группе «варваров». Китайская терминология, связанная с этнонимами степных жителей, изменчива, текуча и зачастую неопределенна и многозначна. Так, в китайской официальной историографии периода империи Мин (1368-1644) одно и то же этно-политическое объединение монголов, в том числе и при описании его истории в XIII в., могло именоваться четырьмя разными способами: *фань* (番), *и* (夷), *лу* (虜), *ху* (胡). В связи с этим возникает вопрос: не могли ли китайские авторы в одном случае назвать упомянутые Е.Р. Нестеровой группы кочевников монголами, а в другом татарами? К сожалению, автор рецензируемой работы не обратила внимания на эту проблему, весьма существенную с точки зрения разрабатываемой ею темы.

На с. 162 Е.Р. Нестерова пишет: «Джамуха опирался только на знать. Чингис приближал к себе всех одаренных людей, без различия происхождения и социального положения. «В этом и заключалась мнимая «противоположность» их политических и социальных взглядов». И в целом с этими аргументами сложно не согласиться. Но вот ковычки (так в авторском тексте. – А.П.) со слова «противоположность» можно убрать — отсутствие внимания к социальному статусу человека, к его происхождению и знатности, *а вместо этого акцент на личных талантах, еще долгое время будет явлением для любого общества экстраординарным* (курсив наш. – А.П.)». Автору в самом очевидном случае не стоило бы забывать, например, о базовых принципах теории конфуцианства, чтобы понять, что выделенное нами умозаключение, мягко говоря, чересчур категорично.

Вызывают сомнения некоторые суждения Е.Р. Нестеровой о конвергенции китайской и монгольской культур в период династии Юань. На с. 258 автор пишет о том, что результатом монгольского завоевания стали заметные изменения в китайском изобразительном искусстве, литературном творчестве и научной мысли, и это позволяет заключить, что взаимодействие монгольской и китайской культур не было односторонним. Несколько ранее на сс. 252 – 254 диссертантка высказывает мнение о том, что развитие китайской живописи и театра (в том числе знаменитая юаньская драма) в отмеченный период явились результатом синтеза монгольской и китайской культур. Вместе с тем, нам не удалось найти в рецензируемой работе подтверждений тому, что монгольские культурные традиции были восприняты китайским театром или живописью и стали одним из стимулов развития этих областей культуры. В целом же, нам же кажется вполне обоснованным противоположное выводам Е.Р. Нестеровой мнение большинства отечественных и западных историков-китаеведов о том, что отмеченные культурные перемены представляли собой одну из форм негативной реакции китайского общества на последствия монгольского

завоевания и во многом являлись элементом протеста против правления иноземной династии.

На сс. 254-256 Е.Р. Нестерова вполне обоснованно рассуждает об использовании монголами элементов китайского, чжурчжэньского, персидского и т.д. военного опыта. Диссертантке удалось показать, что без тактических и инженерных познаний, заимствованных у оседлых народов, монгольские завоевания в XIII в. были бы невозможны. Но вот суждения автора о монгольском флоте и об освоении монголами навыков мореплавания – явное преувеличение. Это был не монгольский, а юаньский флот, созданный китайской империей, находившейся под управлением монгольской династии.

На с. 258 рецензируемой работы читаем: «Монголы ликвидировали все некитайские государственные образования на Севере страны и тем самым положили конец регулярному захвату Северного Китая кочевниками. Следующим и последним вторжением с севера на китайские территории станет только захват власти маньчжурами и провозглашение их династии Цин в 1644 г.». Движимые желанием помочь автору избежать опрометчивых выводов о том, что монголы в период империи Юань «положили конец регулярному захвату Северного Китая кочевниками», посоветуем ей познакомиться с относящейся к XV и XVI вв. историей взаимоотношений между империей Мин и потомками тех монголов, которые завоевали Китай в XIII в. В отмеченный период империя Мин под их непрекращающимися ударами лишилась многих своих северных и северо-западных владений.

На с. 259 описывая последствия, которые принесли Монголии завоевания Чингис-хана и его преемников, приведшие к возникновению империи Юань, Е.Р. Нестерова пишет: «Повседневная жизнь рядовых монголов практически никаким изменениям не подверглась — исключением можно назвать разве что введение бумажных денег и распространение городских бань». Если автор при этом имела в виду повседневную жизнь рядовых монголов в Китае, попавших в чуждую им культурную среду и оказавшихся в совершенно ином

социальном, экономическом и пр. окружении, то эта жизнь не могла не подвергнуться изменениям, куда более существенным, чем появление возможности пользоваться банями или расплачиваться бумажными ассигнациями. Доказательство тому – постепенное и очевидное растворение в китайской культурной среде тех монголов, кто волей имперских властей был переселен в пределы Срединного государства. Если же Е.Р. Нестерова в цитированном выше фрагменте ее работы касалась жизни монголов, оставшихся в родных степях, то и эта жизнь не избежала перемен. Противореча собственным суждениям об отсутствии этих перемен, в другом фрагменте работы диссертантка пишет: «Монгольские завоевания изменили жизнь не только покоренных народов. Еще в большей степени изменилась жизнь самих завоевателей. И если смотреть в исторической перспективе, не в лучшую сторону. Чингис-хан покорил полмира, его армии неудержимыми волнами прокатились по Азии, докатились до Европы, его полководцы почти не знали поражений. И, тем не менее, это возвышение не пошло на пользу монгольскому народу. Потому что с войсками уходили лучшие, те, кто выживал в битвах, вместе с семьями оставались на захваченных территориях, а в собственно Монголии оставались более слабые. Чингис-хан растратил генофонд своего народа, так что больше не рождались богатыри, подобные описанным в «Сокровенном сказании» (с.300). Но вот городские бани для простонародья в кочевых степях в рассматриваемый автором период точно не появились.

К числу недостатков рецензируемой работы следует отнести присутствие в ее тексте значительного количества грамматических, лексических, пунктуационных ошибок и опечаток.

Вместе с тем, приведенные выше замечания не умаляют значимости рецензируемого диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом им. М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.03 – «Всеобщая история» (по

историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 5 и 6 к Положению о диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Соискатель Нестерова Е.Р. заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история».

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук, директор Центра экспертиз ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Антон Владимирович Попов

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.03 – Всеобщая история.

Адрес места работы:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
ректорат, Центр экспертиз, тел.: 7(812)327-46-15, e-mail:
a.v.popov@spbu.ru.